

Т. В. Зверева

ЗАКЛИНАНИЕ ПУСТОТЫ

(еще раз о театре Ольги Александровой)

В данной рецензии автор обращается к феномену театра Ольги Александровой. Дан анализ спектакля «Три свадебных напева», в основании которого лежат древнейшие фольклорные тексты – заговоры, заклинания, обрядовые песни.

Ключевые слова: театр, удмуртский фольклор, архетип, обряд.

Наверное, лучшая рецензия об этом театре уже написана – рецензия московского театроведа Натальи Казьминой. Однако со дня ее написания прошло уже много времени, а спектакли Ольги Александровой продолжают свою жизнь на сцене. Нельзя дважды войти в одну реку, невозможно повторить одно и то же действие – время изменяет и артиста, и людей, пришедших в зрительный зал. «Нельзя раз и навсегда понять, каждый раз понимание начинается заново», – писал известный реформатор европейского театра Питер Брук. Спустя десятилетие ижевский зритель вновь открыл для себя «Три свадебных напева», спектакль, которому рукоплескала Европа.

Театр Ольги Александровой почти отчужден от сцены. Перед зрителем – открытое, предельно высвеченное пространство. Здесь, во всемирной пустоте, начинается действие, призванное преобразить невидимый мир. И человек, оказавшийся на юру, просит Бога о жизни: «Инмар, великий Инмар, великий – светоликий, Кылдысин, Инву, Воршуд! Так же, как я тебя с целым караваем, с наполненными явствами чашами испрашиваю–вопрошаю, так же и ты спаси–сохрани, врагу-ворогу не выдай!». И глазам больно от слепящего ровного света, и не спрятаться от зрителя, приученного современной культурой к ярким визуальным эффектам. Заклинание пустоты, – именно так бы я обозначила жанр спектакля, увиденного мной.

Первое, что делает артистка, – очертит магический круг, внутри которого и будет разворачиваться действие. Прохождение по кругу, напоминающее культовый танец, сопровождается ритмичными ударами бубна. В архаических

культурах ритмические звуки, с одной стороны, соответствовали ориентировке в мировом пространстве, а с другой – способствовали погружению в чувственное мышление, уходу от реальности. В «Трех свадебных напевах» мир возникает из звука бубна, затем – неясных, чуждых для профанного уха, слов. Но чем далее, тем яснее становится смысл нездешних фраз, и зритель обретает чудесную способность понимать чужой язык. Именно в этот момент становится очевидной призрачность границ, разделяющих времена и пространства. Вне зависимости от наречия и местонахождения человек испокон веков проходит один и тот же круг.

Именно поэтому линия круга и становится основной графической линией в «Трех свадебных напевах»: круглый бубен, символизирующий Вселенную; округлые деревянные человечки, разыгрывающие мистику жизни и смерти; круглые монетки и круглые зерна, олицетворяющие великую Жертву; маленькие круглые колокольчики, символизирующие душу. Наконец, маска смерти – круглая, как и сама жизнь. На протяжении спектакля актриса не раз обернется вокруг себя, ее пластика – пластика волнообразных движений. Замыкается круг между жизнью и смертью, замыкается круг между зрителем и актрисой. И не вырваться из этого круга до самого финала спектакля, до самого конца жизни...

В театре Ольги Александровой нет места бутафории. Подлинность разыгрываемого действия нашла свое отражение в подлинности материи. Мир словно возвращен к своим первоэлементам – дереву, коже, шерсти, льну, зерну. Рожденное на сцене Слово – слово вещное. А потому зритель ни на секунду не сомневается в том, что оно способно уберечь мир от разрушения: «Не смей, болезнь, к нему прикасаться, пока не превратишь в один семьдесят семь мельничных жерновов! <...> Пока ты не сможешь летающую в воздухе пыль обратить в бесконечную золотую цепь, он не поддастся тебе, болезнь! Всего этого ты не сделала и никогда не сделаешь, а потому и не смей прикасаться к этому человеку!». В звучащих со сцены причитаниях и заговорах слово обретает ту изначальную силу, которая была утрачена на поздних стадиях человеческой культуры.

Ольга Александрова – человек, профессионально увлекающийся фольклором, хорошо знающий семантику обрядовых форм. При просмотре ее спектаклей испытываешь не только эмоциональное, но и интеллектуальное удовольствие. Можно бесконечно разглядывать одеяние, в котором актриса выходит на сцену. Сотканное из многочисленных символов, оно становится равноправным участником действия. Человек на сцене – связующее звено между верхним и нижним мирами. На голове у актрисы – ветвь с колокольчиками, легкий звон которых постоянно напоминает о присутствии Бога-Инмара. Нижний мир перевернут, и крошечные коконы-человечки висят вниз головой на гетрах актрисы. В среднем мире – на поверхности бубна-земли – разворачивается мистериальное действие под названием «Три свадебных напева».

Финал спектакля пронзительнее его начала. Несмотря на то, что на протяжении всего спектакля постоянно ощущается незримое присутствие смерти, ее вторжение оказывается внезапным:

Э, тело мое, тело,
Черной-черной землей, да будешь, наверное.
Э, ожерелье мое, ожерелье,
Рыбьей чешуей, да, будешь, наверное.
Э, браслетные мои бусы, браслетные бусы.
Рыбьей икрой, да, будете, наверное.

Лик Бога в спектакле невидим – зримо лишь лицо смерти. Темная маска указывает не только на деревянного героя, каждый в зале также отмечен ее страшным взглядом. Символично, что актриса примеряет эту маску на себя и смотрит на зрительный зал сквозь ее прорези. Но смерть на этот раз обращена к тому, кто находится на бубне. Высокий голос актрисы возносится ввысь; улетает вверх колокольчик, бывший душой героя. «Теперь я знаю, что такое смерть, – это когда колокольчик из груди вырывают», – сказала моя дочка после просмотра этого спектакля.

В финале слово вновь возвращается к своей исходной стихии – звуку. Причитания стихают в ритмичной дроби бубна, три свадебных напева растворяются в пространстве пустой сцены. Актриса проходит свой последний круг и покидает сцену. Театр-мистерия ждет встречи с новым зрителем...

Все великие художники искали подлинную опору для своего творчества в первосхемах человеческой культуры. Этим путем, каждый по своему, шли В. Мейерхольд, Г. Крэг, П. Брук, Г. Козинцев... Ольга Александрова обратилась к удмуртскому фольклору, став первооткрывателем неведомого для зрителя мира. За национальными формами обряда – общие для всех культур архетипы, пробуждающие первичную память. Не случайно «Три свадебных напева» обошли многие страны мира, а удмуртский язык стал языком интернациональным, понятным и близким для всех.

Казалось бы, подобное представление должно снискать успех, прежде всего, у себя на родине – в Удмуртии. Однако театр Ольги Александровой оказался не совсем нужным в пространстве, его породившем. Так сложилось, что у артистки в Ижевске нет даже временной сценической площадки. Ее последние гастроли проходили на неприспособленных подмостках, которые нужно было превратить в сцену (единственным театром, предоставившим место, была «Птица»). На сегодняшний день остались практически невостребованными и все новые проекты, с которыми Ольга Александрова приехала в Ижевск. «Нет пророка в своем отечестве», – только этими словами можно обозначить сложившуюся ситуацию. И остается только молить о театре, который мог бы стать визитной карточкой нашей национальной культуры: «Большого и испросить не знаю, сам уж рассуди-ниспошли, великий Инмар, Кылдысин, Инву, Воршуд!».

Поступила в редакцию 24.09.2014

T. V. Zvereva

The Spell of Emptiness (Again About the Theatre of Olga Aleksandrova)

In the given review the author addresses to a phenomenon of theatre of Olga Aleksandrova. The author analyses ceremonial performance «Three wedding tunes». The performance is based on the most ancient folklore texts: plots, spells, ceremonial songs, charms, spells, ritual songs.

Keywords: theatre, the Udmurt folklore, an archetype, a ceremony.

Зверева Татьяна Вячеславовна,

доктор филологических наук, профессор,
Удмуртский государственный университет
420034, Россия, г. Ижевск, ул. Университатская, 1
E-mail: tvzver.1968@yandex.ru

Zvereva Tatyana Vyacheslavovna,

Doctor of Sciences (Phylology), Professor,
The Udmurt State University
426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya St., 1
E-mail: tvzver.1968@yandex.ru